

Ахмедова Таисия Фазиловна

соискатель кафедры русской литературы
Дагестанского государственного университета
тел.: (928) 547-27-22

Akhmedova Taisiya Fazilovna

post-graduate student of the chair of
Russian literature,
Dagestan State University
tel.: (928) 547-27-22

ЯЗЫК И ВРЕМЯ В ПОЭТИКЕ ИОСИФА БРОДСКОГО

LANGUAGE AND TIME IN POETICS OF JOSEPH BRODSKY

Аннотация:

Статья посвящена ключевым для творчества Иосифа Бродского категориям. На примере эссе исследуется восприятие Бродским языка и времени, изучается свойственный автору «хроно-топ поэзии» в пространственном, временном и философском смысле этого слова, а также магистральный для эстетики поэта мотив его слияния со временем посредством смерти и победы над ним посредством Языка.

Научная ценность работы состоит в анализе характерного для творчества И. Бродского взаимодействия указанных категорий, в частности интерпретации времени как категории лингвистической, а языка, в свою очередь, как явления, неотделимого от временных процессов.

Ключевые слова:

время, язык, эссе, поэзия, пространство, стихотворение, поэт, мотив, жизнь и смерть.

The summary:

The article is devoted to key works of Joseph Brodsky category. On the example of essays examines the perception of Brodsky language and time, we study the characteristic of the author of "chronotope of Poetry" in space, time and an alternating philosophical sense of the word, as well as the main motive for the aesthetics of the poet its merger with Time by death and victory over it through language.

The scientific value of the work is to analyze the characteristic of creativity Brodsky interaction of these categories, in particular the interpretation of time as a category of linguistic and language, in turn, as a phenomenon, inseparable from time processes.

Keywords:

time, language, essays, poetry, space, poem, poet, motive, life and death.

Самыми важными в поэтике Иосифа Бродского являются категории времени и пространства: «Поэт рассуждает в духе экзистенциалистического взгляда на мир: время — это условие изменения вещей, человека, власти, жизни, но время неизбежно несет и смерть. Так, тема «время и пространство» становится неразрывно связанной с другой важнейшей темой творчества Бродского — «жизнь и смерть» [1, с. 29].

Поэт использует свое орудие борьбы со временем: его эссеистика — это своего рода «спор... с самой идеей конечности человеческого существования» [2, с. 3]. Эссе И. Бродского с полным правом называют «упражнениями в бессмертии» [3, с. 3].

В эссе «Шум прибоя» И. Бродский сравнивает язык с океаном, сближая их как «два варианта бесконечности» [4, с. 123] и признавая их «общим родителем» [5, с. 141] времени: «Всякое сказанное слово требует какого-то продолжения. Продолжить можно по-разному: логически, фонетически, грамматически, в рифму. Так развивается язык, и если не логика, то фонетика указывает на то, что он требует себе развития. Ибо то, что сказано, никогда не конец, но край речи, за которым — благодаря существованию Времени — всегда нечто следует. И то, что следует, всегда интереснее уже сказанного — но уже не благодаря Времени, а скорее, вопреки ему. Такова логика речи...» [6, с. 141].

Отношения поэта с языком, сам факт этих отношений являются, по Бродскому, синонимом жизни. Так же, как молчание, является синонимом смерти. Язык — единственное, что человек может противопоставить разрушающему ходу времени... это структурирующее начало, противостоящее пустоте, оледенению, вакууму, синонимичным «Времени в чистом виде» [7, с. 155].

Осознавая время как категорию лингвистическую, поэт стремится сделать собственный стих более монотонным, приблизить его к звучанию маятника (у И. Бродского даже есть одноименное стихотворение). Представления анализируемого автора соотносятся с идеями мыслителей XX в. о сущности Языка, обладающего собственными законами развития и порождения. Язык для И. Бродского важнее истории, географии, культуры и других факторов, формирующих сознание; язык значительнее истории, так как исторические явления преходящи, а язык постоянен.

Поэт особо выделяет конкретный, лингвистико-поэтический аспект времени, отмечая в одном из своих эссе, что время «так или иначе, гнездится в стихотворении: в цезуре... Слова, даже их звуки — гласные в особенности, — почти осязаемые сосуды времени» [8, с. 164]. Заключить время в оболочку стихотворной формы, по убеждению И. Бродского, «есть задача, в

сущности, аналогичная задаче путешественника, фиксирующего неведомое доселе пространство и тем накладывающего на него сетку координат» [9, с. 169]. Цель же поэта, по мнению Бродского, — узнать не только, что время делает с людьми, но что язык делает со временем.

«То, что называется музыкой стихотворения, — утверждает поэт, — есть, в сущности, процесс реорганизации Времени в неизбежную запоминающуюся конструкцию, как бы наводящую Время на резкость. Звук, иными словами, является в стихотворении воплощением Времени — тем задником, на фоне которого содержание приобретает стереоскопический характер» [10, с. 374].

«Вне зависимости от смысла, — писал И. Бродский в эссе «Шум прибоя», — произведение стремится к концу, который придает ему форму и отрицает Воскресение» [11, с. 145]. Поэту близка Оденовская трактовка времени, о чем он пишет в эссе «Поклониться тени», а также в эссе о Кавафисе «Песнь маятника»: язык мыслится у Одена как категория, организующая время, то есть сверхсила, подчиняющая время, перед которым бессилён человек.

Эссе «Поклониться тени», посвященное У.Х. Одну, имеет свой напряженный внутренний сюжет, апогеем которого становится открытая И. Бродским в архангельской ссылке идея американского автора о роли языка: «Время... боготворит язык» [12, с. 88]. Эта мысль навсегда определила творческую философию русского поэта: «Ибо «обожествление» — это отношение меньшего к большему. Если время боготворит язык, это означает, что язык больше или старше, чем время, которое, в свою очередь, старше и больше пространства... Так что, если время, — которое синонимично, нет, даже вбирает в себя божество, — боготворит язык, откуда тогда происходит язык?.. И не является ли тогда язык хранилищем времени?.. И не является ли песня, или стихотворение, и даже сама речь с ее цезурами, паузами, спондеями и т.д. игрой, в которую язык играет, чтобы реорганизовать время? И не являются ли те, кем «жив» язык, теми, кем живо и время?..» [13, с. 89]. И еще много других риторических вопросов, вытекающих один из другого и порождающих не ответы, но все больше новых вопросов.

«Точным синонимом времени» для И. Бродского является вода. В эссе «Путеводитель по переименованному городу» зеркало воды является одновременно и метафорой зеркала литературы, в которой и существует подлинный Город: «Больше, чем реками и каналами... город... отражен русской литературой» [14, с. 65]. Даже за пределами Питера Бродский продолжал искать сходное двойное отражение города (Адриатикой и литературой) в Венеции. Тема города предопределяет тему жизни (выживания) в подобном городе. Здесь есть шанс слиться со «сгущенным Временем», «когда человек не отбрасывает тени, как вода» [15, с. 65].

Слово «время» поэт пишет то с большой, то с маленькой буквы. Подобное двойное написание характерно также для программной «Эклоги IV (зимней)» и пьесы «Мрамор», что указывает на различную природу времени. Это — набросок концепции «Времени в чистом виде», намеченной Бродским еще в «Стихах на смерть Т.С. Элиота» и разработанной впоследствии в стихотворениях 80-х гг. Мотив победы поэта над Временем посредством Языка стал доминирующим в эстетике зрелого И. Бродского.

Над проблемой времени и языка И. Бродский размышлял почти во всех своих эссе: например, в эссе «Путешествие в Стамбул».

Отметим, что поэтический мир анализируемого автора отличается ярко выраженной географичностью: приметы конкретного места почти всегда играют в его произведениях важную роль. Карта поэтического мира Бродского разделена на северо-запад и юго-восток; Петербург, Венеция и Стамбул — три главных для него города. Пространственная оппозиция Восток — Запад трансформируется у Бродского во временную: прошлое — настоящее (как мира, так и индивида). Это проявляется даже в области стиля анализируемого эссе: время от времени размышления умудренного жизнью профессора перемежаются дерзкими словечками ленинградского пацана.

Таким образом, представления Иосифа Бродского о времени и, особенно о языке, вполне соотносятся с идеями мыслителей XX в. Язык понимается им как сущность, обладающая собственными законами развития и порождения и, кроме того, как сосуд, хранилище времени. Данный автор превращает собственную эссеистику в орудие борьбы со временем и способом преодолеть смерть: для него язык — это единственное, что можно противопоставить разрушающему ходу времени, это созидательное начало, противостоящее пустоте, оледенению — символам «Времени в чистом виде». Главная же цель, которую ставит перед собой Иосиф Бродский, — узнать, что время делает с людьми и что язык делает со временем.

Ссылки:

1. Вайль П., Генис А. В окрестностях Бродского: К творческой биографии поэта // Литературное обозрение. 1990. № 8.
2. Куллэ В. Путеводитель по переименованной поэзии. Заметки о прозе Иосифа Бродского. М., 1992.
3. Там же.
4. Бродский И. Сочинения. СПб., 1999.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Бродский И. Большая книга интервью. М., 2000.
11. Бродский И. Сочинения. СПб., 1999.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.

References (transliterated):

1. Vayl' P., Genis A. V okrestnostyah Brodskogo: K tvorcheskoy biografii poeta // Literaturnoe obozrenie. 1990. No.8.
2. Kulle V. Putevoditel' po pereimenovannoy poezii. Zametki o proze Iosifa Brodskogo. M., 1992.
3. Ibid.
4. Brodskiy I. Sochineniya. SPb., 1999.
5. Ibid.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. Brodskiy I. Bol'shaya kniga interv'yu. M., 2000.
11. Brodskiy I. Sochineniya. SPb., 1999.
12. Ibid.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Ibid.